

И. КАРПОВ

Хрусталинка

И. И. КАРПОВ

Хрусталинка

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕКТЕП» ФРУНЗЕ — 1977

Р 2
К 21

Карпов И. И.

К 21 Хрусталинка. Фантаст. рассказ. Для сред. и ст. школьного возраста. Ф., «Мектеп», 1977 © «Мектеп», 1977 ©

24 стр.

Это — увлекательный рассказ о чудесных превращениях Хрусталинки, которая является главным действующим лицом.

В сказочной форме автор-пенсионер ведет серьезный разговор о проблемах счастья, мира и борьбы со злом.

Р2

К $\frac{762-340}{452 (17)-77}$ 187—77
М

© Издательство «Мектеп», 1977

1

...Тихо лилась под гитарный звон старая, но вечно молодая песня. Лодочка покачивалась на легких морских волнах недалеко от берега. Мерцал лунный свет.

Лодочка незаметно уплывала от берега, усыпанного мелкими, искристыми песчинками, холодными и недвижимыми.

Завороженные сладостью песни, чарами колдуньи-лунны, парень и девушка не замечали, как морской горизонт стал темнеть, мрачнеть от наплывающих туч. Они, клубясь, быстро приближались к берегу.

А когда гроыхнул гром и сверкнула яркая молния, налетел водяной вихрь с ливнем, когда лодочку резко взметнуло на закипевших волнах, они, промокшие моментально до нитки, стали судорожно бороться за берег. Ближе и ближе... еще и еще усилие..., вот уже недалеко, как вдруг небо раскололось от страшного грохота, и слепящая глаза молния огненной стрелой ударила в прибрежный песок, задымив его. Оглушенных, полуживых волна выбросила с лодочкой на песок. Он осторожно взял ее на руки, и они исчезли в сетке дождя.

2

Небесная огненная стрела, ударив в искристый прибрежный песок, своим тысячеградусным жаром спаяла несколько песчинок в одну. Они засверкали хрустальным блеском.

И она, эта Хрусталинка, стала все видеть, слышать, понимать. Только говорить и двигаться она не могла.

Но, родившись вдруг разумной и одухотворенной, она успела увидеть, как бережно уносил от разбушевавшегося моря девушку красивый кудрявый парень.

Умчались тучи, истощив свою ливневую силу, успокоилось море, забрезжил рассвет. Взошло чистенькое утреннее солнце, и всё засияло вокруг, украшенное алмазной дождевой россыпью. Наша Хрусталинка гордо красовалась среди своих недвижимых, неодухотворенных подруг-песчинок. Она вся насквозь светилась. В полдень яркое солнце все высушило, погасли краски утра, все замерло в горячей истоме.

Одна Хрусталинка отражала своими гранями солнечные лучи во все стороны, ярко выделяясь в песке.

Жарко, пустынно... Как тяжело быть в душном и жарком или ночном, темном и тревожном одиночестве! Хрусталинка сейчас была в таком одиночестве. Её душа с беспокойством чего-то ожидала...

Она увидела множество песчаных ям вокруг.
Что это?

От городской черты приближался ритмичный шум. Вскоре длинная извилистая колонна грузовиков появилась на песчаном берегу моря. Вот она остановилась, и в грузовики стали грузить песок. Куда, для чего?.. Вдруг чей-то голос, наверно, старшего в этом грузовом поезде, воскликнул: «А ты гляди-ка, какая яркая галька! Уж не алмаз ли? Ну-ка, зачерпни ее!» — и вот Хрусталинка, среди остальных миллиардов песчинок, попала в кузов грузовика...

...Хрусталинка теперь, на досуге, в тишине и ароматном покое винного погреба, вспоминает, как все произо-

шло дальше после приезда автоколонны с кварцевым, как его называли люди, песком на огромный двор с рядом корпусов с высоченными трубами: «завод», «завод», — слышала она вокруг; как ссыпали песок в широкую пасть приемного конвейера, тащившего песок внутрь одного из зданий; как толкли песок, в котором и она была, на бегунках в шаровых мельницах, потом просушивали, взвешивали, добавляли какие-то цветные смеси, все перемешивали в остроконечных, вращающихся барабанах, «шихта», — слышала Хрусталинка. А потом эту шихту (а с ней и Хрусталинку) ссыпали в электропечь в виде огромной ванны и стали варить в ужасном жару, ужасном для всех остальных песчинок, но не для Хрусталинки, рожденной более сильным жаром неба. И хотя она, как и все остальные песчинки, была измельчена в порошок шихты, варилась и плавилась одинаково с ними, но в самой мельчайшей своей части она сохранила свою душу, вложенную в нее огненным зарядом Вселенной.

Долго Хрусталинка бурно вздымалась и вновь опускалась на дно ванны, крутилась в вихре плавящихся песчинок, пока, наконец, не кончилась варка, а за нею — обжиг получившейся стекловидной массы в узких, как туннель, печах, охлаждение смеси до вязкого состояния и подачи ее на автоматы для выдувания бутылок.

Помнит Хрусталинка, как старый мастер, еще только накануне награжденный за свой долголетний и честный труд на заводе орденом Ленина, сказал в ответ на поздравления рабочих.

— А ну, дайте-ка, братцы, я отолью свою последнюю, может быть, лучшую бутылочку. Пусть и она станет орденосной.

Наша Хрусталинка восприняв в себя частицу доброй души мастера, стала высокой, мягкого темно-зеленого цвета, величавой и стройной.

А потом ее, вместе с новыми подругами-бутылочка-

ми, поставили в гнезда ящиков и увезли куда-то далеко на склад.

4

Тихо и пустынно на складе. Только слышно звяканье стеклянных бутылей, одних — привозимых, других — увозимых оттуда. Хрусталинка чувствовала, что для нее еще ничего не окончено и что впереди ее ждет пока неизвестное, но обязательно должно прийти нечто хорошее, большое. Иначе — зачем же ей живые чувства, вселенные в нее, зачем весь этот сложный путь, проделанный ею?

Это была правда. И пришел час для Хрусталинки. К ней и ее подругам подошли люди, она услышала в их разговоре незнакомые ей слова: «Эти — под красное «Каберне», эти — под «Совиньон», а вот эти возьмем под «Шампанское». Хрусталинка не слышала про них и не видела еще солнечных ягод винограда, дающих свои имена благородным винам, которым они отдавали свой сахарный винный сок. Снова погрузка, снова недолгий теперь путь, и Хрусталинка очутилась в цехе завода, тихого, пропитанного пряными ароматами.

Одна за другой наполнялись бутылочки какой-то пахучей, нежно-желтого цвета жидкостью. Тут она снова услышала слово «Шампанское». Вот Хрусталинка в руках у дяди Степы, так на заводе называли старого мастера.

«Ай-ай,— ужаснулась Хрусталинка,— не уронил бы он меня из рук, ведь у него всего два пальца на правой руке»...

И впрямь, как будто мысли Хрусталинки услышала одна девушка. Она обратилась к дяде Степе:—«Дядя Степа, не обидетесь, если я спрошу, где вы потеряли пальцы на руке?»

— А чего обижаться? — ответил дядя Степа,— дело

было честное, наше, кровное, рабочее,— и он рассказал помощникам, как в девятнадцатом — двадцатом годах он, тогда еще молодой рабочий винного завода в совхозе «Абрау-Дюрсо», вместе с новороссийскими рабочими и окрестными крестьянами, в составе «Зеленой армии», защищал завод от налетов белогвардейцев, как бились они три года с разными «карателями», как влились в ряды красных партизан, а потом — Красной Армии.

— Вот так и остался я с двумя пальцами на руке от белогвардейского клинка,— закончил свой рассказ дядя Степа.

— А как вы, дядя Степа, к красным-то попали? — не успокаивалась девушка.

— А вот так: калина-то как растет? Она зеленая, а поспеет — становится красной, будто кровью нальется. Так и мы: довольно, мол, быть зелеными, сердца от гнева кровью налились, когда мы нагляделись на преступления зверюг-беляков и вернувшихся с ними помещиков. Вот мы и стали красными.

Мастер по мерке наполнил Хрусталинку сладкой и приятной жидкостью, называемой шампанским, и дальше передал в руки девушек. Они закупорили ей горлышко длинной и тугой чистой пробкой, обвязали мягкой проволокой, сверху закрыли серебряной фольгой, а пониже на шейку—как цветной круговой галстучек—вырезную этикетку с лучистой звездочкой, виноградными листочками и надписью «полусухое». На низ бутылочки, вроде вокруг ее ножек, надели белоснежный фартучек —наклейку с золотой надписью «Советское шампанское».

Хрусталинка стала похожа на девушку-красавицу, стройную, в меру полненькую и нарядную. И если она даже немного важничала — «я, мол, лучше всех», так в том нет греха: какая девушка не считает себя самой милой и хорошенькой?

5

Ах, как хотела Хрусталинка, чтобы ее, такую красивую, нарядную и ароматную, скорее показали людям! Но, к ее недоумению и огорчению, ее взяли в темный, прохладный подвал — «на выдержку», как она услышала.

Долго Хрусталинка негодовала, не понимая, что от выдержки вино становится вкуснее и благороднее. Наконец, истощив свое негодование, она погрузилась в приятный сон.

...Долго ли, коротко ли продолжался ее сон — она не знала. Но вот снова в подвал ворвался свет, слышались шаги, разговоры, началась сортировка и погрузка бутылок в автомашины, а вскоре и в вагон. Лязгнули засовы, застучали колеса, и Хрусталинка отправилась в неизвестный путь.

Вагон трясло, в нем царили темень и духота!..

Но всему приходит конец: остановка, открыты двери, суeta выгрузки; Хрусталинку высвободили из ящика только в большом магазине.

Она вместе с подругами была поставлена в длинный ряд на видное место полки фартучками вперед, откуда, позабыв все свои переживания, стала любоваться картиной веселых хлопот и праздничного оживления людей.

6

В хорошей обстановке и при хорошем настроении время проходит быстро. Обмениваясь шуточками и любезностями с покупателями, одну за другой разобрали с полок бутылки с шампанским румяные продавщицы. Только Хрусталинка оставалась на месте.

Она недоумевала: «Что такое? Почему я остаюсь без внимания? Разве я недостаточно хороша?»

Солнце село. В магазине включили свет. Пестрый ка-

лейдоскоп публики стал реже, ее подруги-бутылочки почти исчезли с полок.

Если бы Хрусталинка могла, она от обиды залилась бы слезами, может быть, даже выкрикнула что-то на своем языке. Но ее горлышко было крепко закрыто, хотя и мягкой, но непроницаемой пробкой и окутано плотной серебряной вуалью.

Бедная Хрусталинка! Она уже была недовольна и публикой, и продавщицами, и особенно молодыми мужчинами, не пожелавшими взять ее к праздничному столу. Если бы она могла, отвернулась бы от них всех, но, увы, у нее не было ножек...

7

— Почему ты не продашь вон ту бутылочку шампанского, что стоит с краю? Ведь ее удобнее всего подать покупателю? — спросила продавщицу ее соседка в минуту затишья торговли.

— Сегодня я приглашена к подруге на день рождения дочери. Она просила оставить для праздника «самую лучшую» бутылочку шампанского, а за ней, ну и за мной, — кокетливо улыбнувшись, добавила хорошенькая продавщица, — к 8 часам зайдет муж подруги. Ты помнишь, это тот молодой человек, такой интересный, широкоплечий...

Хрусталинка не дослышала конца беседы продавщиц, да она в том и не нуждалась. С нее довольно было и услышанного. Она сразу расцвела вновь и к ней вернулось хорошее настроение. «Так, значит, не потому, что я чем-либо нехороша, меня не продают, а наоборот, потому что я очень хороша — меня возьмут для большого семейного торжества. Как это приятно слышать и чувствовать!» — радостно подумала бутылочка-Хрусталинка.

Как медленно тянутся часы! Скоро ли?

Яркий свет люстр на плафоне, искристая игра разных

напитков в лучах света в разнообразных граненых, гладких, хрустальных, цветных, светлых бутылках на полках и витринах магазина, и только она, Хрусталинка, одна на «шампанской» полке, в сладком и немного тревожном ожидании...

Время неторопливо, своим вечным порядком, приближалось к 8-ми часам.

Нетерпение Хрусталинки нарастало поминутно, ее буквально лихорадило от желания скорее увидеть «того интересного», от предчувствия необычайной встречи.

Если наша Хрусталинка была бы живой девушкой, она бы не с большим нетерпением ждала встречи с любимым, чем сейчас трепетно ожидала так медленно приближавшихся восьми часов!

...Наконец часы мелодично-звонко отбили восемь раз, и как-то незаметно для нашей бутылочки перед витриной прилавка оказался изящно одетый, симпатичный молодой человек.

— Ах!.. Он!.. — Хрусталинка сразу узнала в нем того самого кудрявого молодого человека, который так бережно нес в своих объятиях девушку во время ливня на море.

Хрусталинка с полки перешла в руки молодого человека. Очень уютно ей показалось в его чемоданчике. Как птица она промчалась с ним и с миловидной продавщицей в такси к его дому.

И вот она в просторной, но со вкусом обставленной комнате, в маленьком серебряном ведерке со льдом в центре стола с белоснежной скатертью, заставленного цветами и различными вкусными яствами, напитками, разноцветной посудой.

А вот и она — та прекрасная девушка, которую легко нес её любимый, повзрослевшая и похорошевшая от первого материнства. Она по-хозяйски, заботливо оглядела праздничный стол и, оставшись довольной, — о чем сказал ее взгляд — ушла в другую комнату, откуда до-

носился чистый, как колокольчик, тоненький голосок ребенка, говор взрослых и все сдержанные шумы и шорохи от движения празднично настроенных людей.

Постепенно столовая комната заполнялась мужчинами в гражданском и военном наряде, женщинами в пышных туалетах. В атмосфере приближающегося торжества часы незаметно подошли к десяти. Для именинницы, милой малютки, истекла пора ее дневных ребячьих забав — пора спать! И с последним, десятым, боем часов, на руках молодого отца, в комнате появилась маленькая, прелестная крошка в именинном платье, похожая на светлую, яркую бабочку.

Шумные теплые поздравления ее и ее родителей с таким праздником, самые сердечные пожелания, подарки-сюрпризы, объятия встретили малютку. Как драгоценный мотылек, она порхала из рук в руки в граде ласк и поцелуев. Ах, как хотелось Хрусталинке от всей своей горячей души присоединить свой голосок к этому хору ласковых приветствий и пожеланий. Но ведь ротик Хрусталинки был запечатан плотной пробкой и укрыт серебряной накидкой. Какая досада!..

Как бы угадывая желание Хрусталинки, молодой отец «бабочки» вынул бутылочку из серебряного ведерка, легко откупорил ее горлышко, и наша бутылочка, сбросив, наконец, шапку-пробку под самый потолок со струей пены, страстно и громко крикнула — «Пуф!», что на ее языке означало — «Ура!» Конечно, все гости так это и поняли и дружно подхватили сами «Ура!» — в честь маленького прелестного солнца этой дружной семьи.

Как хорошо, прямо чудесно чувствовала себя Хрусталинка среди этих милых, счастливых людей, так ярко, красиво и душевно умеющих отмечать дорогие для них дни праздников.

Все лучшие чувства душевных пожеланий Хрусталинки, всех застольных друзей горячо и полно выразил молодой отец «бабочки».

— Деды и отцы,— сказал он взволнованно,— жизнь отдавали в борьбе за светлую, свободную и радостную жизнь, при которой мы теперь живем. Их трудный путь был озарен светом бессмертных идей Ленина.

Победа венчала их борьбу, и ныне свет Ленина пламенеет в звездах Кремля, освещая наш путь борьбы, труда и счастья. Эти звезды охраняют твою жизнь, твою будущность, наша любимая дочка, твой будущий труд, отдых и счастье. Никто из врагов нашей земли, никакие темные силы не смогут затмить твою радость.

Веселый звон бокалов, музыка, переливы ласковых разговоров—до поздней ночи длился этот праздник, когда сама виновница торжества давно видела радужных зайчиков во сне.

8

Утром девочка сказала матери, приводившей в порядок столовую: «Мама, а как громко выстрелила вчера вон та большая бутылка «Пуф!». Я испугалась».

Мама только засмеялась.

Убрано все со стола, и наша Хрусталинка вместе с другими бутылками-подружками попала в чулан. «Почему в чулан? — недоумевала Хрусталинка. — Неужели для меня все кончено и я больше не увижу свет, не порадую людей?»

Ответа не было. Постепенно Хрусталинка впала в сонное забытие, изредка нарушаемое звяканьем посуды, когда что-то брали в чулане.

Но вот как-то раз хозяйка остановила взор на Хрусталинке: «Пожалуй, эта подойдет под керосин», — вслух подумала она. Ужас Хрусталинки при мысли о том, что вместо прекрасного вина в нее сейчас нальют противный, терпкий керосин, рассеяла девочка, неотступно топающая за матерью: — Мама, дай мне эту красивую бу-

тылочку. Я буду катать на ней мою куклу,— попросила она.

Как часто забывала потом девочка эту новую игрушку, и она долгими часами лежала на боку без движения среди прочих игрушек.

Но Хрусталинка почти не обижалась за это на девочку, которую успела горячо полюбить. Правда, было немного обидно, что она стала только игрушкой, но ведь эта девочка и спасла её от керосиновой угрозы. Скучно было Хрусталинке, ее огненная душа желала ярких образов, звуков, движения, но ничего такого не было.

Только маленькие ручки Наташки, играя, разглаживали ей морщинки — следы огорчений на серебряной шейке.

Так день за днем текла жизнь в этой простой семье, где труд и разнообразные заботы чередовались с отдыхом. Хрусталинка уже привыкла к этой жизни, тем более, что она всерьез считала себя членом семьи. Иногда ее брали на прогулку за город и тогда ее животик наполнялся каким-либо вкусным питьем для Наташки. Ей казалось, так будет продолжаться всегда.

Но вот однажды...

9

Однажды в поведении молодых хозяев появилось что-то необычное, какая-то суровая собранность и озабоченность, чувство скрытой тревоги, а порою — в одиночестве — и слезы молодой женщины.

Девочка видела своих родителей по-прежнему бодрыми, с обычными любящими лицами, с которых они всячески смахивали следы внутренних переживаний.

Хрусталинка, конечно, все это душой замечала, но

спросить не могла: «Отчего так? Что случилось?» — Она только думать умела.

Но ясно уловила слова, смысл которых ей еще не был ясен: — «Война... Мобилизация... Фронт»..

Внутренняя напряженность людей передалась Хрусталинке, она чувствовала, что в их жизни произошло что-то новое, небывалое, очень серьезное.

Через несколько дней, в один из молчаливых и хмурых вечеров, в той же большой столовой, где праздновали день рождения Наташи, снова собрались люди.

Снова был накрыт — теперь скромный — стол, снова наша Хрусталинка — уже с огненной прозрачной жидкостью в животике — стояла в центре стола. Но те же, что и «тогда», люди были сдержаны, немногословны, они не шутили. Мужчины были одеты в однообразную темно-зеленую форму, женщины — в черные платья. И хотя чувствовалось некоторое приподнятое настроение, но, увы, совсем не то, что было «тогда»... А когда подняли бокалы и прозвучало «За победу!», горячие слезы покатались по щекам молодой хозяйки и ее подруг.

С ласковой укоризной молодой хозяйин сказал жене уверенно:

— Мусенька, не надо... верь, что мы снова встретимся.

Что-то такое же твердыми голосами говорили своим женам и другие мужчины.

Нет, не могло быть радостным прощание, когда прозвучало жестокое и хлесткое слово «война».

...В ночной тишине молодые отец и мать, тесно обнявшись, долго молча стояли у кровати дочери, спящей сладким сном.

Потом отец Наташки осторожно поцеловал ее в румяную щечку и долго смотрел на нее, как бы запоминая на всю жизнь. Беззвучно плакала мать. Потом... потом отец, с трудом освободившись из объятий поникшей

жены, вскинул походный вещевой мешок на плечо и ушел в ночную темень.

Все это видела Хрусталинка, забытая на полу. Ее душа страдала, и она мягко подкатилась к ногам хозяйки, плачущей у кровати Наташи, как бы желая утешить ее в непонятном горе. А может быть, бутылочку нечаянно задела ногой хозяйка, возвращаясь от двери, к которой она, увы, бесполезно и поздно бросилась в безумной тоске и боли по ушедшему в тревожную ночь мужу? Кто это скажет?..

Наташка спала, а около нее билась в безутешных рыданиях мать.

10

На другой день, и еще много-много дней, девочка ждала отца и все спрашивала мать:

— Мама, где папа? Когда он придет? — И плакала, требуя, чтобы папа пришел скорее.

Делая горькие усилия над собою, обнимая дочку, мама говорила: — Скоро, скоро, моя родная, придет папа. Он ушел сделать для нас что-то хорошее и большое-большое...

Что еще могла сказать крошке мама?..

Каждый раз, когда раздавался звонок и в открытую дверь видна была фигура почтальона, мать с нетерпением и внутренней дрожью брала у него конверт, с затаенным дыханием разрывала его и долго читала-перечитывала письмо. Тогда Хрусталинка часто слышала:

— Моя радость, папа целует тебя и обещает скоро, скоро вернуться.

В доме давно уже не было никакого оживления. Приходившие иногда люди вели с матерью какие-то тихие

и озабоченные разговоры. А Наташа часто плакала и звала своего папу...

Были и у матери бессонные ночи, когда она брала Хрусталинку в руки, вспоминая, как её любимый муж и отец дочери держал эту бутылку в руках среди моря света, радости, веселья и торжества... и на бутылку вновь и вновь падали крупные слезы матери.

Иногда мать вместе с пришедшими к ней подругами читала газеты вслух, и опять Хрусталинка слышала те же непонятные ей слова: «фронт», «наступление» и другие, таившие в себе грозный, скрытый смысл.

А то девочка просила маму налить в бутылочку «желтую водичку, которую пил папа»... Мать наливала в бутылочку сладкого чаю, закрывала горлышко пробкой, обертывала серебряной бумагой от конфет.

Поставленная на середину стола за вечерним чаем, бутылочка выглядела почти так же, как и при папе «тогда», но, увы, она больше не стреляла и не кричала: «Пуф! Ура!», когда ее теперь открывали.

Ни сама бутылочка, только раз в жизни стрельнувшая «Пуф!», ни девочка, конечно, еще не могли знать, что там, далеко, где небо и земля сотрясаются в тяжелом грохоте пушечных батарей, разрывов снарядов и бомб, где черный дым пожарищ стелется по земле, где совершала свою жуткую пляску смерть — там папа вместе с миллионами других, таких же сильных и хороших советских пап, бился насмерть против клыкастых гитлеровских зверей, защищая жизнь, свободу, труд, покой и счастье своей Наташи, ее мамы и еще миллионов таких же крошек и их мам. Знала об этом только мама. Знала и молчала.

...Молчала, верила, ждала... и плакала тайком.

11

Как-то раз, при очередной читке газет, Хрусталинка услышала слова: «огненная граната», «танк», «взорван». Новые и снова непонятные бутылочке слова! Да и откуда ей было знать всё это, когда вокруг ничего такого нет.

Однажды в постоянно тихой квартире раздался звонок. Мать открыла дверь, и в комнате зазвучали детские голоса, словно ласточки впорхнули сюда и защебетали. Хрусталинка уловила в их голосе слова: «бутылки» и еще: «нет, нам маленькие не надо. Велели брать только большие. В них нальют горючее и они станут «огненными гранатами».

— Опять! Эти гранаты!—подумала Хрусталинка. И тут же она почувствовала, что именно сейчас в ее судьбе произойдет ужасно важная перемена.

Да, так оно и случилось: ее подняли с полу и вместе с другими большими бутылками положили в корзину детей.

Хрусталинка не успела даже проститься с Наташей.

12

Время не терпело промедления, все делалось строго и быстро, все определялось грозным, кровавым словом «война».

Вот Хрусталинка на каком-то большом складе, наполненном стуком и звоном сортируемых бутылок, укладываемых в ящики с гнездами.

Снова поездка в темном вагоне, лязг колес мчащегося поезда. «Куда?!»

Снова свет, и... горлышко бутылки запершило от едких газов, клубами валивших из огромных труб завода.

«Скорее! Время не ждет! Враг у ворот!» — и бутылочка наполнена едко пахнущей смесью, с которой люди

обращались очень осторожно. Сначала животик у бутылочки очень неприятно жгло, но вскоре она, зная куда больший жар, свыклась с этим ощущением и поняла, что теперь она представляет собою что-то очень значительное и даже опасное, судя по предосторожности в обращении с нею людей, приговаривавших: «Ну, добрая будет фашисту выпивка!» И опять слышались слова: «фронт», «танк», «истребители», «гранаты».

Но Хрусталинке они становились понятнее. Это то, с чем она должна теперь встретиться.

Но как? Этого она все еще не знала.

13

Все дальнейшие события развернулись для Хрусталинки молниеносно: снова в ящике вместе с такими же — теперь грозными — бутылками, снова грохот поезда...

Но уже в пути Хрусталинка услышала издали нарастающий гул, тяжелые удары, будто падали на землю и разбивались бутылки, величиною с большой дом, а то оглушительно-монотонный звук, будто тысячи молотков бьют по железу.

«Да, здесь, именно здесь, решится моя судьба», — уверилась бутылочка. Она преисполнилась чувством гордости за свою, увы, столь короткую, но столь яркую жизнь. Ей вспомнился стеклодув дядя Степа, ее творец, гладивший ее по блестящему боку, приговаривая: «Добрая будет посудина... Гуляй по свету и приноси добрым людям радость!»

Да, бутылочка всю свою короткую жизнь приносила добрым людям пользу: из нее люди пили вино радости, утоляли жажду; она забавляла девочку дома, она, как могла, успокаивала хозяйку.

Но здесь предстояло совершить для людей нечто но-

вое, несравнимо-важное, чем все, что было у бутылочки до этого времени.

И бутылочка уже не жалела, что ее серебряная шейка обуглилась от едкой смеси, исчез нарядный фартучек, и она стала выглядеть громоздкой, черной и тяжелой.

Она ждала своего часа. И он пришел.

Возле ящиков с бутылками появилась группа людей, так странно, непохоже как в городе, одетых и в круглых железных шапках. Их звали «товарищи красноармейцы». Они все слушали приказания одного, одетого, как и все они, но которого звали «товарищ лейтенант».

Когда товарищ лейтенант подошел к ящику с бутылками и стал их раздавать товарищам красноармейцам, черная теперь Хрусталинка чуть не захлебнулась от радости: она узнала в нем отца Наташи. Она помнила его тост. Да разве Хрусталинка могла не узнать своего хозяина, которого она так нетерпеливо ждала еще в магазине, красуясь на полке!

Да, это был он, потемневший лицом, похудевший, но все еще красивый, суровый, пропахший новыми запахами чего-то горелого, немного едкого, как те газы, что были на заводе, где ее начинили в последний раз. Скорей, скорей к нему!.. И Хрусталинка, стоявшая с краю, скользнула в его опустившуюся в ящик руку. Товарищ лейтенант собрался было передать бутылочку ближайшему красноармейцу, но, взглянув на нее, на миг призадумался и отвел назад руку. В этот миг в его голове молнией промелькнули дорогие сердцу картины «той» жизни дома, участницей которой была такая же бутылочка. Но мог ли он узнать в черной бутылке ту Хрусталинку — царицу стола? Он сказал: — Эту возьму я, а вы, товарищи красноармейцы, осторожно разберите все остальные.

Хрусталинка почувствовала, как крепко он сжал ее в своей руке, сделав кому-то угрожающее движение.

Черная бутылочка тоже захотела сделать что-то угро-

жающее этой «кровавой собаке», о которой тихо, сквозь зубы, прошептал товарищ лейтенант.

Когда все бутылки были разобраны, лейтенант обратился к солдатам:

— Теперь мы пойдем с этими огненными бутылочками уничтожать танки врага. Скоро они нагрянут на наш рубеж, и наша задача — ни за что не дать им пройти. Вы не новички в этом деле, говорить что и как — я не буду. Скажу только одно: танки врага пройти не должны. Так требует Родина.

Товарищи красноармейцы тихо, но дружно ответили:

— Есть! Не пройти вражеским танкам, товарищ лейтенант!

Укрытая в мягкой сумке на боку лейтенанта и покачивающаяся в такт его движению, Хрусталинка не видела, как отряд гранатометчиков, вытянувшись в цепочку, осторожно пробирался лесной чащей к своему огневому рубежу, но она слышала тихие, чуть слышные приказания лейтенанта: — Осторожно с бутылками, оружием не звякать.

«Значит, я не только «огненная», но и опасная», — подумала Хрусталинка.

Шли бесшумно. Только в одном месте отряд задержался, и Хрусталинка услышала плач ребенка: «Мама... мама...» и чьи-то тихие стоны. Лейтенант кого-то о чем-то спрашивал, кто-то еле внятным языком, со стонами, отвечал ему; а потом лейтенант с гневом и болью прошептал: — Звери, так они поступают везде. Всюду, где ступит их грязная нога, — гнусные убийства, насилия, грабежи, опустошенная и обгорелая земля, сироты на трупах матерей и отцов.

Хрусталинке показалось, что это плачет около умирающей матери ее, Хрусталинки, Наташка, которую она так любила, с которой так счастливо жила...

Нет, больше терпеть бутылочка не могла. Она прямо-таки задышалась в сумке, желая как можно скорее и

грознее отомстить этим «кровавым собакам». Она их уже остро ненавидела.

Послышалась новая тихая команда:

— Занять оба конца, впустить, окружить огнем и уничтожить танки.

Потом наступила такая тишина, что Хрусталинке показалось, что она осталась одна.

Долго и томительно тянулась тишина, нарушаемая лишь голосами птиц и шелестом листвы. Но вот издалека послышался странный, прерывающийся рокот, все усиливающийся и вскоре перешедший в рев, грохот и лязг железа.

И снова тихий приказ лейтенанта:

— Внимание! Танки! Приготовиться к атаке!..

Он вынул Хрусталинку из сумки и крепко сжал в руке. Тут-то и увидела наша огненная бутылочка, как по узкой лесной дороге, со страшным ревом, приближается длинный ряд черных неуклюжих чудовищ с колесами, крутящимися на огромных плоских цепях, с длинными, как бревна, носами и намалеванными на бсках паучьими лапами.

Когда головное чудовище поравнялось с местом, где в кустах притаился лейтенант с Хрусталинкой в руке, он вскочил, и Хрусталинка в последний раз в своей жизни услышала его боевой клич: — По фашистской нечисти, огонь!

Кинутая мощным броском лейтенанта, огненная бутылочка, наконец, увидела этих «кровавых собак». Со всей силой ненавидящей души она врезалась в рычащий мотор танка, разбилась на тысячи сверкнувших осколков и вылила на него всю пылающую жидкость.

Почти одновременно со взрывом первого танка, зажженного нашей Хрусталинкой, раздался ряд взрывов по всей танковой колонне врага.

Глазок Хрусталинки, высоко подброшенный взрывом немецкого танка, падая вниз, еще смог заметить, как на

узкой лесной дороге бестолково заметались горевшие, раненые, ставшие бессильными, вражеские чудовища— «кровавые собаки».

— Я все сделала,— сверкнула последняя мысль в этом кусочке Хрусталинки, и ее душа погасла навсегда, ничего не узнав о том, что своею доблестной гибелью она помогла засверкать красному боевому ордену на груди «товарища лейтенанта», что она все сделала для Победы.

Карпов Иван Иванович

ХРУСТАЛИНКА

Фантастический рассказ

На русском языке

для СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Редактор *Б. Кузьменко*. Художник *К. Сухаревский*. Худ. редактор *Ю. Ким*. Техн. редактор *С. Сарыгулов*. Корректор *В. Мединская*

ИБ — 594

Слано в набор 29/XI 1976 г. Подписано к печати 16/II 1977 г. Бумага типографская № 1. Формат бумаги 70×108¹/₃₂, 1,5 физич. печатных листа, 1,05 условн. печатных листа, 0,93 учетно-издательских листа. Д—04423. Заказ № 4812. Тираж 15000. Цена 4 коп.

720002. г. Фрунзе, ул. Советская, 170, Издательство «Мектеп».

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулёвская, 102,
Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

4 к.

И. КАРПОВ

Хрусталинка

